

Цветочная лодка остановилась у берега. Принц Цзинван стоял у борта, с улыбкой глядя на исчезающую в потёмках человеческую фигуру и обнимая барышню Юань Мэн. Она удивлённо спросила:

— Куда ушёл молодой господин Фань?

Принц потрогал её холодный кончик носа и насмешливо сказал:

— Разве нужно передо мной притворяться наивной?

Юань Мэн, сладко улыбнувшись, ответила:

— Неважно, куда ушёл молодой господин Фань, однако он не скрывался от вас, только вот, боюсь, барышня Сы Лили-то ничего не знает.

— Не скрывался от меня, потому что он умён, — сказал Ли Хунчэн. — Я всего лишь предлог для того, чтобы он оказался здесь. Но если ему нужна моя добрая воля, то лучше бы ему от меня не прятаться, — он вдруг добавил: — Как ты думаешь, как смотрит Фань Сянь на Сы Лили?

Казалось, Юань Мэн весьма хорошо знала принца и, поразмыслив, ответила:

— Этому молодому господину Фаню вроде бы очень нравится барышня Сы Лили, только я и не думала, что он выдержит эту ночь с ней, да ещё и отправится по другим делам, — она засмеялась, прикрыв рот, совсем непохоже на выросшую в публичном доме девушку.

— Тогда на будущее держись поближе к Сы Лили, возможно, Фань Сянь будет часто захаживать в «Приют пьяного бессмертного», — нахмурился Ли Хунчэн.

— Слушаюсь, — кратко, словно подчинённый, ответила Юань Мэн, всё же немного удивившись, отчего принц так заинтересовался Фань Сянем. Ли Хунчэн просунул руку под полу её платья и крепко стиснул нежное бедро, Юань Мэн легко вскрикнула, её тело чуть не обмякло.

— Знаешь, кто такой Фань Сянь?

— Он любимый внебрачный сын шилана Министерства финансов, Фань Цзяня, — ответ Юань Мэн промяукала, словно котёнок, однако глаза её оставались абсолютно ясными. — Как я понимаю, господин хочет прибрать к рукам денежные потоки в государстве.

Ли Хунчэн рассмеялся и покачал головой.

— У меня нет таких притязаний, я просто чувствую, что Фань Сянь — стоящий друг, вот и всё.

Эти слова были до некоторой степени правдой, но кое о чём он умолчал. Ли Хунчэн знал, что семьи Фань и Линь собираются тайно породниться, поэтому ясно понимал, что этот молодой человек по имени Фань Сянь в будущем, возможно, будет управлять тем колоссальным торговым предприятием, на котором держится царствующая семья. Если второй принц хочет бороться с наследным, то эти деньги представляют собой важнейшее оружие.

Сегодня на поэтической встрече Го Баокунь очутился в незавидном положении, настроение было отвратительным, поэтому вечером он собрался предаться безудержному разгулу и пьянству. На сердце у него мало-помалу легчало, но стоило только подумать о ждущем дома отце-консерваторе, как настроение снова начало портиться. Планируя, как завтра отправится во дворец организовать развлечения для наследного принца, он вдруг почувствовал, что паланкин остановился.

Он некоторое время не мог собраться, к тому же неизвестно, почему у него немного туманило голову. Он ударился лбом о переднюю стенку и, разозлившись от боли, прокричал:

— Болваны, как вы несёте паланкин?

Никто ему не ответил, снаружи стояла тишина. Го Баокунь униженно выполз из готового вот-вот перевернуться паланкина. Улица была совершенно тиха, и это была именно улица Нюлань, по которой он должен был возвращаться в поместье.

Вокруг паланкина стояли три человека в чёрном и с закрытыми лицами, а носильщики паланкина и охранники валялись на земле, неизвестно, живые или мёртвые. Го Баокунь решил, что нарвался на уличных грабителей, и перепугался до полусмерти, думая, с каких это пор порядок в столице поддерживают настолько плохо. Трясаясь от страха, он отрывисто спросил:

— Вы кто такие? Что вам надо?

Улица Нюлань всегда была тихой, с наступлением ночи практически не встречалось прохожих, и Го Баокунь немного запаниковал, не рассчитывая на то, что можно громко покричать и позвать на помощь. Его голос был очень тихим.

Чистый, мягкий голос ответил ему:

— Я Фань Сянь, я хочу побить тебя.

Го Баокунь изумлённо обернулся, но попался, заметив только мешок, летящий в лицо, и не успев разглядеть мерзкую улыбку Фань Сяня. В мешке остался слабый запах, и сознание Го

Баокуня заметно прояснилось, но так стало ещё хуже, потому что тут же на него обрушился ураган ударов руками и ногами, совершенно безо всякого снисхождения.

Фань Сянь наблюдал, как несколько подручных Тэн Цзыцзина избивают жертву, и на сердце было радостно. Он просто хотел дать людям понять, что не стоит легкомысленно пытаться дразнить его, и кроме этого у него на уме было ещё кое-что. Когда ещё Го Баокунь, выдающийся сын министра, переносил такой позор и боль? Но он знал, что бьёт его Фань Сянь, а при ссорах благородной молодёжи никогда не случалось убийств, так что он не верил, что может умереть, и по-прежнему отпускал злобные слова:

— Маленький ублюдок Фань! Убей меня, если хватит смелости!

Услышав это, Фань Сянь в гневе махнул рукой, заставляя подручных Тэн Цзыцзина, молча наносивших удары, расступиться, подошёл, присел на корточки, больно стукнул разок, а потом прошептал, обращаясь к вертящемуся без остановки холщовому мешку:

— Братец Го, знаешь ли ты, почему я днём написал то стихотворение?

Фань Сянь был силён, и Го Баокунь в мешке от боли уже не мог говорить, а кричал и хныкал.

— Под ветра свист к лазури неба возносят гиббоны свой плач.

Над отмелью чистой без устали чайки скользят и играют, кружась.

По воздуху носятся ворохом листья, с деревьев слетая, шурша.

Янцзы вдаль бежит бесконечно и быстро, волну обгоняет волна.

За сто тысяч ли от родимого края, в душе исполняясь тоски,

Изгнанник, испивший от чаши страданий, на гору всхожу я один.

Скитания, бедность, болезни и горечь, как иней в висках седина.

Недавно и вовсе случилось отречься от чарки хмельного вина.

Ты оскорбил меня дважды, я обязательно должен причинить тебе боль и страдания, иначе как мне порадовать себя?

Как только его голос отзвучал, он одним жестоким ударом кулака через мешок разбил Го Баокуню лицо. Непонятно, как он настолько точно прицелился в темноте и сквозь холстину, однако попал Го Баокуню прямо в переносицу. Тот почувствовал только короткую боль и онемение, врывающееся в мозг, полилась кровь, и в конце концов, не в силах терпеть, он громко зарыдал, неустанно моля о пощаде.

Фань Сянь, глядя на непрерывно дёргающийся мешок, только сейчас увидел свою жестокую

сторону, словно она вдруг вырвалась из-под слоя штукатурки, скрывающей её все эти годы. Всё ещё не отведя душу, он несколько раз пнул мешок, затем махнул рукой, приказывая троем бойцам, что были с ним, уходить. Они растворились в темноте, действительно «неожиданно нагрянули и быстро сбежали», и Го Баокунь горячо желал не встретиться с ними.

Лишь спустя долгое время Го Баокунь выполз из мешка. Его тело было в синих и пурпурных пятнах. Глядя на валяющихся на земле рядом с ним охранников и носильщиков, он невольно начал ругаться на чём свет стоит, а потом пинками привёл своих людей в чувство. Только тогда стало понятно, что слугам поднесли какой-то наркотик, но этот отвратительный Фань Сянь ещё и положил в мешок противоядие, чтобы боль от побоев была невыносимой.

Охранники, держась за кружащиеся головы, поняли, что из их молодого господина чуть не сделали отбивную, и испугались до смерти. Они поспешно подхватили его и, даже забыв про паланкин, прямо на спине донесли до поместья Го.

Вечером в поместье Го поднялся страшный шум. На следующий день с утра срочно послали в столичную управу, чтобы передать шилану Министерства чинов и градоначальнику Мэй Чжили жалобу, описывающую вчерашнюю кровавую трагедию и требующую сурово наказать бастарда из поместья Фань за тяжкое преступление. Разве можно спускать с рук подобную дерзость? Если нельзя призвать к ответу внебрачного сына семьи Фань даже за избивание сына министра на столичных улицах, то как сохранить лицо уважаемому министру?

<http://tl.rulate.ru/book/96718/1461047>